

— Алла, у всех ваших спектаклей, насколько я знаю, была непростая судьба...

— Кажется, все их сначала закрывали. Не нравилась, например, властям наша работа с блистательной актрисой Лидией Павловной Сухаревской — «Пелагея и Алька» по Федору Абрамову. Режиссером был мой папа, народный артист России Александр Ефимович Азарин. Абрамов вообще очень смело писал, был, конечно, великий писатель. Это тогдашние власти понимали, но, наверно, боялись того, как он пишет правду о нашей деревне, вообще о нашей жизни. И наш спектакль получился — поперек горла.

«По ком звонит колокол» по Хемингуэю репетировали по ночам в Театре эстрады. По ночам, потому что нам сцену днем не давали, все занято было, и можно было прийти только в 11 вечера, после концерта. Зажигали нам такую лампешечку, мы с термосом, с бутербродами... Репетировали бесплатно, конечно, потому что никто за репетиции никакие деньги не получал. И вот приезжали туда, и до четырех утра — я, Николай Пеньков, Владимир Богомолов... А потом, как только вышел спектакль, его сразу закрыли.

Что делать? Не знаю, как получилось, но я попросила вmeshаться Константин Михайловича Симонова, знала, что он многое сделал, чтобы этот роман Хемингуэя был, наконец, у нас опубликован.

Он ведь неподалеку от нас жил. И я зашла в этот дом, там на первом этаже его приемная была. Позвонила — думала, секретарь выйдет. А он сама дверь открыл — я растерялась, забыла, как его зовут. Бежала на концерт с чемоданчиком, и шел снег с дождем. И я вся в дожде этом, мокрая, стою с этим чемоданом и пролепетала: «Ой, а я к вам».

— Что вы говорите! Как это приятно. Пожалуйста, заходите.

И даже не спросил: кто, что, откуда.

Он же такой элегантный был, с чувством юмора. Я захожу туда, а там секретарша сидит, она просто не успела подойти, он раньше успел дверь открыть. И он снимает с меня шубку, всю в мокром снеге, причем так элегантно, словно у меня норка, повесил и говорит: «Может, вы выпить хотите?». И даже не попытался узнать ни фамилии, ни имени.

Ну а потом, когда я ему всю нашу историю рассказала, он говорит: «Действительно, были сложности с этой книгой. И меня Хемингуэй просил подействовать. Но смогу заняться вашим делом только после того, как я это увижу». А посмотреть было негде, потому что мы уже не играли. В Театре эстрады тут же отказали нам. Я говорю: вот Симонов хочет посмотреть. Директор возмутился: да меня в два дня с работы снимут, вся Москва будет знать, что Симонов смотрел запрещенный спектакль.

И, в общем, играть нам негде. И мы поехали в мой любимый ЦДРИ — и уже ничего не говорили, а просто попросили: можно нам у вас утром сделать репетицию? — Пожалуйста. Деньги тогда никакие платить не надо было.

У нас такой коллектив собрался! Ребята, которые в Театре эстрады с нами работали, рабочие сцены, за свой счет наняли грузовик и утром привезли все декорации. Мы приходим — у нас все стоит. Мы чуть не зарыдали. Представляете, найти таких энтузиастов, которые сами все это сделали! И приходит Константин Михайлович. Два-три человека мы пригласили — и все. И мы спектакль сыграли. Он заходит за кулисы с белым листом бумаги и спрашивает, что он должен для нас сделать. «А к чему они там пристают?» — спрашивает. «Ну вот говорят, что любовные сцены слишком откровенные». — «Ну знаете, если они будут против любовных сцен, мы их к чертовой матери по-

Всегда ваша — Алла Азарина

Имя Аллы Азаринной театралам известно давно. Уже много лет и в Москве, и во многих других городах завидной популярностью пользуются ее моноспектакли. В свое время большим событием культурной жизни столицы стал «По ком звонит колокол». Многие до сих пор помнят один из первых спектаклей — «Ромео и Джульетта». И сейчас в «маленьком театрике», как она сама его называет, расположенном на Лубянке в музее Маяковского, — в театре «Артист» она выступает по субботам и воскресеньям: идут ее спектакли, бывает и ее концертная программа.

шлем». Это, конечно, только предлог у них был, уловка, запрещали-то совсем из-за другого... И Симонов все сделал: он звонил в управление, в ЦК, с кем-то важным говорил, настаивал. И кончилось тем, что нам очередной просмотр назначили, который мы, собственно, и ждали.

И пошел спектакль.
— Алла, а почему вы к моноспектаклю пришли? Вы, как мне помнится, школу-студию МХАТ заканчивали.

— Да. На курсе у нас учились Николай Караченцов, Евгений Киндинов, Алексей Кутузов (он теперь в «Современнике»). Руководитель курса у нас был Виктор Карлович Монюков, очень многое нам дал.

Потом был театр имени Моссовета...

И тут я увлеклась моноспектаклями. Не знаю, почему. Мой отец был ведь единственным настоящим учеником Владимира Яхонтова.

— Значит, вы его, так сказать, сценическая внучка?

— У Яхонтова был литературный сотрудник Марк Борисович Зисельман, который делал ему всегда все композиции и много лет с ним работал. Первая его идея для меня была «Есенин и Дункан», и он мне принес материалы все, по существу всю эту инсценировку. Он мне всегда говорил: «Ты Яхонтов в юбке».

Это очень увлекательно — одной «держат» зал, иметь в партнерах це-

лительный зал. И такие режиссеры! С режиссером из МХАТа Владимиром Богомоловым мы выпустили «Ромео и Джульетту», «По ком звонит колокол», с Леонидом Осиповичем Утесовым — оруджавскую программу.

— А над чем сейчас работаете?

— Знаете, я потеряла интерес к моноспектаклям.

— Как?! Вы же, можно сказать, знаменитой благодаря им стали.

— Не знаю, как это произошло. Я другим увлеклась — пишу музыку, пою.

И над песнями сейчас у меня очень активно идет работа, потому что я хочу наконец выпустить свой первый диск. Нашлись спонсоры — это акционерное общество «Серебряный бор» во главе с директором, очень интересным человеком Андреем Алексеевичем Бочарниковым, который сразу понял, что хлеб (а он делает хлеб) и зрелище — вещи неразрывные. И он меня очень поддерживает сейчас, и я надеюсь, что я выпущу такую кассету. Но это очень большая работа, потому что постоянно — репетиции, записи...

— А чьи стихи выбираете?

— Стихи те, которые мне нравятся, своих любимых поэтов: это и Белла Ахмадулина, и Марина Цветаева, и Есенин, и Маяковский, и Бродский, и Пастернак. Северянин сейчас вот появился. Стихи я не пишу, к сожалению, а вот мелодии вдруг стала слышать.

— А раньше вы пели?

— Пела только в своих спектаклях, сначала очень потихоньку начинала: одну песню — в «По ком звонит колокол», в спектаклях Цветаевой — уже песен пять, потом Есенин... А в прошлом году, например, в Центральном доме работников искусств я делала вечер, который назывался «Вокальный эксперимент Аллы Азаринной», где я целиком весь вечер только пела. Ничего не читала совсем — только пела.

С кем работаю? Со своим пианистом Юрием Дунаевым, гитаристом Анатолием Шавыриным. И вот сейчас, если все получится нормально — то еще с очень талантливым человеком: он и аранжировщик, работает с Александром Малининым, это Александр Бобров. Если у нас все сложится, то он будет делать аранжировку для «Монолог Мэрилин Монро».

— Это новая песня?

— У меня вообще эта давняя тема — Мэрилин Монро. Вы, наверно, знаете, что я одно время буквально болела этой актрисой, этой историей, этой судьбой, и очень мне хотелось ее сыграть. И я сделала пьесу. Решила собрать компанию и даже нашла деньги, мы репетировали. Но, к сожалению, пьеса свет не увидела, хотя и спонсоры были и даже костюмы были. Это случилось в 93-м году, самом переломном. Пьеса называлась «Ангел секса». В общем, к сожалению, спектакль не вышел. А потом вдруг я вспомнила стихотворение, которое тоже должно было войти в этот спектакль — и вот сейчас получилась песня.

— А «театральные» идеи у вас еще есть?

— Пока мне не хочется говорить об этом. Есть на примете одна пьеса. Но мы, артисты, люди суеверные — рано об этом писать.

— Вы, Алла, ведь и журналисткой одно время увлекались. Помню ваши публикации в «Вечернем клубе».

— Да, оказалось очень увлекательное дело. У меня сейчас на радио «Говорит Москва» по субботам идет авторская передача «Всегда ваша Алла Азарина»...

— Значит, мы в какой-то мере коллеги. Всегда ваш.

Юрий КАЗАРИН

Фото Сергея ПАНКРАТЬЕВА.

Концерт «ВМ»